

АЙНАВИ

Джулиан
ХИТЧ

АЙСБЕРГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

М Е С Т Ь

18+

Хэштегнутые

Джулиан Хитч

Айсберг #Месть

«Автор»

«Автор»

2026

Хитч Д.

Айсберг #Мечь / Д. Хитч — «Автор», «Автор»,
2026 — (Хэштегнутые)

Он — Айсберг и его сердце давно превратилось в лёд. Преданный лучшим другом, клянётся отомстить, отыгравшись на его сестре. Всё просчитано до мелочей, и, казалось, осечек не будет. Но, сделав выбор в пользу мести, сможет ли он смириться с последствиями? Когда осознает, что по-настоящему боится только одного — потерять ту, которую сломал.

© Хитч Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клим	8
Глава 2. Маша	12
Глава 3. Клим	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Айнави, Джулиан Хитч

Айсберг #Месть

Пролог

После отбоя прошло около часа, и барак постепенно затихает. Но тишина никогда не бывает полной: кто-то ворочается на шконке, кто-то кашляет, кто-то шепчется в темноте. Скрип пружин, шорох одеял, далёкий лай соторожевых собак, охраняющих периметр... Десятки звуков, к которым я успел привыкнуть за тринадцать месяцев и двадцать три дня и которые ненавижу.

В продавленном матрасе, в прорези, спрятан телефон — старенький, но с выходом в Интернет. Администрация в курсе, однако закрывает глаза. У меня репутация человека, который не создаёт проблем. Я не лезу в драки, не качаю права, не пишу жалобы. Я просто жду. Таким, как я, иногда позволяют небольшие послабления. Главное, не нагнеть.

Достав телефон, активирую экран, и в закладках сразу нахожу нужную страницу с кулинарным блогем. Замечаю, что аватарка сменилась, и, как помешанный, спешно по ней тапаю, чтобы раскрыть на весь экран.

Первое, что бросается в глаза, — её улыбка: открытая, солнечная. Хрен знает откуда, но в голове появляется слово «лучезарная». Собственные губы кривятся в циничной усмешке: наверняка она просто притворяется. Потому что невозможно так улыбаться в нашем дерьмовом мире. Ей же почти девятнадцать, а она выглядит как принцесса из страны радужных единорогов.

Немного увеличиваю фото, разглядывая рыжеватые волосы, собранные в хвост, сияющие зелёные глаза, тонкую шею, которую так и хочется сжать посильнее, чтобы она наконец показала себя настоящую.

Уверен, внутри она такая же гнилая, как её брат.

Запускаю крайнее видео, которое она выложила пару часов назад. Звука нет, чтобы не мешать соседям-зэкам. Просто наблюдаю за тем, как девчонка сначала показывает всё необходимое, чтобы приготовить какой-то десерт, а потом начинает замешивать тесто. Я пересмотрел десятки её видосов, и без звука понимаю, о чём она говорит. Разжёвывает процесс до такой степени, что повторить за ней сможет даже ребёнок. И, как обычно, добавляет какую-нибудь глупость, что в тесто нужно положить «шепотку любви» или «ложку хорошего настроения».

Дурочка.

Сладкая, наивная дурочка.

Реально такая или играет роль?

Я пока не знаю, но обязательно проверю.

Она случайно пачкает мукой щёку, а я залипаю на этом пятне, представляя, как мог бы стереть его кончиком большого пальца, а потом коснуться уголка рта, провести по нижней губе... Член в трусах дёргается, а по позвоночнику шарашит разрядом возбуждения.

Блять!

Выключаю видос и с психом прячу телефон обратно в матрас.

Год воздержания с редкой возможностью подрочить даёт о себе знать. Иначе я не могу объяснить, какого хрена со мной происходит.

Эта девчонка мне даже не нравится.

Младшая сестрёнка Грома, которого я считал лучшим другом. Но именно его стараниями загремел на нары, которые грею чуть больше года.

Я ни разу не видел её вживую. Гром слишком любит свою младшенькую, чтобы втягивать в наш грязный мир. Только изредка, вскользь, о ней упоминал. В голосе появлялась эта дурацкая тёплая нотка, от которой меня мгновенно начинало мутить. «Котёнок», «малая», «мелкая»: трясся над ней как над драгоценностью. Держал сестрёнку в вакууме, в этом её радужном мирке, где все хорошие, а плохие только в новостях.

Именно поэтому она — идеальная цель.

Гром свалил с радаров пару месяцев назад. Знает, сука, что как только я выйду, закатаю его в асфальт. Что ж, сам нарвался. Мы могли бы порешать всё между собой, но раз он сбежал, я займусь его любимым «котёнком». Ударю по единственному человеку, которого Гром любит больше собственной шкуры.

Сломать её — значит, сломать его.

Семь дней.

Сто шестьдесят восемь часов.

Через неделю я выйду.

Скоро, Котёнок, я тебя навещу.

Глава 1. Клим

Железная дверь закрывается за спиной с громким скрежетом. И этот звук — лучшее, что я слышал за последние полтора года. Задрав голову, смотрю на голубое небо над собой. Оно точно такое же, как за стеной, но воспринимается совсем иначе.

Я, сука, на свободе!

Пара месяцев в СИЗО, потом ещё четырнадцать в колонии общего режима. И нет, они не пролетели как один день.

— Айсберг, дружище! — доносится знакомый голос. — Откинулся!

Нильс врзается в меня со всей дури — я даже отступаю на шаг, чтобы удержаться на ногах. Сжимает в объятиях, и я тоже хлопаю его по плечу.

— Слушай, — смотрит на меня, лбясь во все тридцать два, — да ты не айсберг, а глыба прям. Как будто не с зоны вышел, а с санатория.

— С пятизвездочного отеля, бля, — роняю, поморщившись. — Рекомендую попробовать на своей шкуре — режим, прогулки, восьмичасовой сон и баланда бонусом.

— Пожалуй, воздержусь, — ржёт друг.

— Ты один?

Не то чтобы я надеялся, что меня будут встречать с почестями, но видеть только Нильса странно. Похоже, друзей у меня поубавилось.

— А кого тебе ещё надо? Не Грома же ты ждал? — шутит Нильс, но, поймав мой тяжёлый взгляд, осекается. И добавляет уже без тени веселья: — Айсберг, давай только без вот этого дерьма, о`кей? Гром свалил, да и хер с ним.

— Не помню, чтобы просил у тебя совета, — цежу сквозь зубы. — Что с Громом делать я как-нибудь сам разберусь. Погнали уже.

Нильс больше не пытается спорить. Знает, что бесполезно.

— Райдер не изменился? — ухмыльнувшись, будто и не было неприятного разговора, возвращается к привычному тону. — Тачка, бухло, девочки?

— Тачка, душ, свежие шмотки, бухло и девочки, — поправляю с улыбкой. — Где моя красotka?

— Сука, ты по ней скучал больше, чем по мне!

Мы обходим забор, заворачивая за угол, и я вижу свою красавицу — тёмно-синюю легендарную Тойота Супра: стильную и мощную классику, которая с годами становится только краше.

Бросив спортивную сумку с немногочисленными пожитками, что захотел забрать с зоны, почти благоговейно касаюсь гладкого блестящего капота. Потом обхожу машину вокруг, придирчиво осматривая. Я доверил её хранение Нильсу, и в целом уверен, что со своей задачей он справился, но хочу убедиться, что на моей малышке не появилось даже малейшей царапины.

— Держи!

Нильс бросает мне ключи, и я разблокирую двери. Сумку закидываю на заднее сиденье, а сам падаю на водительское. Подстраиваю кресло и зеркала под себя и, откинувшись на спинку, расплываюсь в по-настоящему счастливой улыбке. В салоне едва уловимо, но знакомо, пахнет освежителем с ароматом морского бриза. На зеркале заднего вида болтается брелок с парой игровых костей, который достался от отца.

— Как же я по тебе скучал, малышка, — кладу ладони на руль и выдыхаю, забив на то, как это может смотреться со стороны.

Перед Нильсом можно не строить из себя нормального. С моими загонами он знаком как никто.

— А это что?! — хмурюсь, заметив, что из бардачка торчит уголок чего-то светлого. Подцепив пальцами и потянув на себя, достаю белые кружевные стринги. — Твою мать, Нильс, ты баб что ли в моей тачке трахал?

— Вообще-то, они тут с момента, как тебя взяли!

— Да?

Вспоминаю тот вечер, когда менты вытащили меня из тачки, в буквальном смысле содрав с какой-то шлэндры, с которой мы приятно проводили время. Под её визги и попытки прикрыться приложили мордой о капот.

Приоткрыв окно, выбрасываю трусы и завожу мотор.

— Со мной? — спрашиваю Нильса. — Или тебя домой закинуть?

— С тобой конечно. Приведёшь себя в человеческий вид, и рванём в клуб.

До родного города долетаем за пару часов, благо нашлась возможность, чтобы договориться, и срок я мотал практически по-соседству. И все эти два часа я кайфую от скорости, наплевав на то, что соберу с десятков штрафов. Зато реально начинаю осознавать, что я на свободе!

Паркуюсь у дома, и мы с Нильсом поднимаемся на нужный этаж. В квартире на удивление ни пылинки, да и пахнет чистотой.

— Ты клининг что ли вызывал?

— Угу, — кивает Нильс, направляясь к холодильнику. — Я и продукты заказал. Цени, бля, друга, а то от тебя доброго слова не дождёшься! Только со своей тачкой воркуешь как полоумный.

— Да ценю я тебя, ценю, — отвечаю, стягивая футболку и направляясь в ванную. — Приготовь что-нибудь пожрать, пока я в душе.

— Почему у меня такое ощущение, что ты стал ещё более охреневшим? — орёт Нильс вслед.

В ванной избавляюсь от остальной одежды, которой место на помойке, и заваливаюсь в душевую кабину. Долго отмокаю под горячими струями, как никогда ощущая, как же мало нужно, чтобы снова ощутить себя человеком.

К моменту, когда я возвращаюсь к Нильсу, на столе стоят тарелки с бутербродами и яичницей. В нос бьёт аромат свежесваренного кофе.

Набрасываюсь на еду, будто не жрал всё то время, что был за решёткой. Яичница кажется пищей богов. Даже интересно становится, секс теперь тоже будет ярче?

Набив желудок, иду в спальню, чтобы переодеться. Заодно достаю из старого телефона симку и переставляю в смартфон, которым пользовался до ареста. Палец сам тянется к браузеру, чтобы найти и открыть знакомый блог, но я себя останавливаю. Больше мне не нужно довольствоваться видосами. Скину напряжение с какой-нибудь девкой, что цепану в клубе, а потом сразу отправлюсь в гости к сестрёнке Грома.

Жди меня, котёночек, сегодня увидимся.

Дорогие читатели, рады приветствовать вас в нашей новой истории! Книга входит в замечательную серию о молодых непростых героях "Хэштегнутые". Познакомиться с другими историями можно по ссылке: <https://www.litres.ru/series/heshtegnutye-925031/>

Глава 2. Маша

Мечусь по кухне в режиме электровеника. Мысленно ругаю себя последними словами. Вот зачем я опять устроила съёмку с утра, перед рабочей сменой?! И теперь нужно разобраться с горой грязной посуды и мукой, которой, кажется, покрыты все поверхности, потому что в какой-то момент я очень неудачно чихнула. Кадр получился забавный и милый, уверена, мои немногочисленные подписчики оценят, вот только уборки заметно прибавилось.

— Твою ж поварёшку, — бормочу себе под нос, сгребая миски в раковину.

Смотрю на часы — сорок минут до выхода, а я сама с головы до ног в муке. Включив горячую воду, быстро мою посуду, потом протираю столы. Пол придётся чистить вечером, когда вернусь с работы. Не люблю оставлять после себя беспорядок, от того внутри немного дискомфортно. Но стоит посмотреть на яблочный пирог, который я испекла во время съёмки, и на губах расцветает улыбка. Пахнет он бомбически! Печёными яблоками, корицей и мёдом. Выглядит ещё лучше: аккуратный, пышный, румяный. Рот наполняется слюной, но я решаю его не трогать. Одна я целиком пирог не одолею. Лучше завтра возьму в книжный клуб и угощу девчонок и Федю. На второй день он будет не менее вкусным.

Нырнув под душ, смываю муку и запах яблок. На секунду прикрыв глаза, позволяю себе помечтать о том, чтобы остаться дома. Спрятаться в своей крохотной квартире, не впуская внутрь проблемы, что поджидают снаружи. Но быстро отгоняю несбыточные мечты. Я не могу позволить себе эту слабость.

После душа быстро сушу волосы, подкрашиваю ресницы тушью и одеваюсь: футболка, сегодня с принтом из разноцветных пончиков, широкие джинсы и кроссовки. Прихватываю ветровку, потому что к ночи обещали похолодание и дождь. Взяв смартфон, не могу удержаться от того, чтобы набрать знакомый номер. На экране высвечивается «Брат». Каждый раз, когда я это делаю, внутри вспыхивает мимолётная надежда, что сегодня он ответит, но она умирает почти сразу, как из динамика неживым голосом доносится: «Абонент временно недоступен...»

Сбрасываю звонок, а горло сжимает тисками. За последние пару месяцев я слышала эту фразу сотни раз. И сообщений отправила в наш чат наверное столько же. Даже когда поняла, что они остаются непрочитанными, всё равно писала брату, то злясь на него, то умоляя прислать хоть какую-то весточку.

Но в ответ ничего.

Два месяца назад Артур сказал, что он вернётся сразу, как решит свои проблемы. И что искать его не нужно. Вот только я постепенно перестаю верить, что однажды снова его увижу.

Сделав глубокий вдох, чтобы не расклеиться, убираю телефон в сумку и выхожу из квартиры. Ключ поворачивается в замке с привычным щелчком. И я почти делаю шаг к лестнице, как взгляд цепляется за то, чего не должно быть на моей двери.

Рефлекторно отступаю на шаг, а потом замираю, глядя на чёрное металлическое полотно, на котором белой краской выведено: Тик-так!

Пальцы, в которых я стискиваю ключи, начинают дрожать — сначала мелко, потом крупнее. Я сжимаю кулаки, но это не помогает — с каждой секундой меня трясёт всё сильнее.

Я знаю, что это значит, и от собственного бессилия и безысходности хочется завывать раненым зверьком.

Дверь квартиры напротив открывается, и в подъезд выходит Нина Андреевна — пожилая соседка, от которой всегда пахнет валерьянкой и ладаном.

— Машенька! — восклицает она, остановившись рядом со мной. — Что же это за бесовство?

— Мальчишки наверное... — с трудом собрав себя в кучу, выдавливаю я, краем глаза видя, как Нина Андреевна торопливо крестится. — Балуются. Подъезд у нас... Сами знаете.

Нина Андреевна поджимает губы и качает головой.

— Что за времена-то пошли, — вздыхает она, — хулиганы совсем распоясались. А камер у нас до сих пор нет, вот и...

Она ещё что-то говорит, но я не слушаю.

— Простите, я на работу опаздываю, — выпалив торопливо, сбегая по лестнице вниз.

Выскакиваю на улицу, и только на свежем воздухе, понимаю, что всё это время почти не дышала.

Дорога до работы занимает двадцать минут. Я опаздываю, потому почти бегу, но сейчас это именно то, что мне нужно. Я отвлекаюсь от случившегося, заставляя себя не думать об этой надписи и о тех проблемах, о которых она напомнила. Хотя я и не забывала.

К заднему входу в кондитерскую подбегаю за пять минут до начала моей смены. И застаю у него Лару, которая, оперевшись спиной о стену, неторопливо курит.

— О, Машка! Ты чего такая взъерошенная? — спрашивает она, оглядывая меня с головы до ног. — И лицо, будто привидение увидела.

— Не выпалась, — вру я. — Опять снимала допоздна.

— Ну ты маньячка, — ржёт она.

— Ты почему зал оставила? — спрашиваю недовольно. — Ещё и куришь.

Если хозяйка узнает, то за компанию и мне попадёт.

— Ой, не душни, — отмахивается Лара. — Нет никого, а если кто придёт, то я услышу.

Проскальзываю мимо неё внутрь. Я устала бороться с безалаберностью Лары. Остаётся только надеяться, что мне не придётся отвечать за её косяки.

Надев форменный фартук и собрав волосы в хвост, тщательно мою руки и встаю за стойку. В зале пусто, но это ненадолго: начинается время обеда, и уже минут через двадцать посетителей прибавится.

Я люблю эту кондитерскую и свою работу, пусть пока я бариста и кассир в одном лице. Десерты нам привозят готовые, но хозяйка обещала, что, как только пройдёт полгода, она пустит меня в цех. И я смогу хотя бы раз в неделю работать там помощником кондитера. Пока же я изучаю, как выстроен процесс реализации. Это тоже важно, ведь однажды я открою заведение со своими фирменными десертами.

Колокольчики над дверьми звякают, и внутрь заходит женщина с девочкой-подростком. Откинув тревожные мысли, погружаюсь в привычную рутину.

Ближе к вечеру погода начинает портиться, и гостей становится всё меньше. К моменту, как на землю падают первые капли дождя, Лара уходит, и я остаюсь в кондитерской одна. Остаётся доработать пару часов, и обычно вечернее время довольно спокойное, а сегодня тем более. Мало кому хочется гулять в такую погоду или идти за любимой пироженкой.

Я неспешно навожу порядок, постепенно готовя кондитерскую к закрытию. Дождь стучит по стеклу, и крупные капли стекают вниз, сливаясь в кривые дорожки. Улица за панорамными окнами кажется размытым пятном. Внутри же уютно в жёлтом свете потолочных ламп. Пахнет кофе, ванилью, корицей и десятками других приятных ароматов, которые сливаются в один общий — сладко-пряный. И я даже могу представить, что отгорожена от всего мира, словно спряталась в уютной безопасной норке. Даже удаётся не поддаваться тревоге, что второй месяц грызёт изнутри.

Но в какой-то момент появляется лёгкий дискомфорт. Ощущаю на себе пристальный взгляд, но в кондитерской же никого нет кроме меня. Подхожу к окну, но я плохо вижу, что творится снаружи: на улице довольно темно.

Может, кажется?

Наверное, я просто нервничаю из-за надписи, что теперь красуется на двери моей квартиры. Но они же не могли прийти сюда и наблюдать за мной с улицы?

Или могли?

Возвращаюсь за стойку и, взяв щипчики для десертов, собираюсь заняться витриной, как входная дверь распахивается. Колокольчики мелодично звенят. Внутрь врывается прохладный влажный воздух, пропитанный запахом дождя. Подняв голову, замираю, взглядом наткнувшись на высокого парня.

Я никогда его раньше не видела.

Он стоит на пороге, не спеша проходить дальше. На нём надеты голубая рубашка, расстёгнутая на пару верхних пуговиц, и стильные джинсы. Светлые короткие волосы влажные от дождя, да и одежда успела намочнуть. Засунув руки в карманы, смотрит на меня, и я невольно попадаю в плен его глаз. Они у него необычные: светло-светло-голубые и холодные, как две льдинки. Замечаю я и многочисленные татуировки, и металлические кольца в левом ухе.

Мне становится не по себе под его пристальным изучающим взглядом. Этот парень совсем не похож на того, кому поздним дождливым вечером вдруг захотелось побаловать себя сладким. Мысль — ошеломляющая и одновременно ужасающая — прошивает от макушки до пяток. Что если... Что если он один из них?

Я крепче сжимаю в пальцах щипчики, которые он пока не видит. И едва сдерживаю смешок, понимая, что это «оружие» ничем мне не поможет.

Парень, отмерев, делает шаг вперёд, а я позорно отступаю назад, как будто это сможет меня спасти.

— Добрый вечер, — внезапно произносит он чуть хриплым и спокойным голосом. — У вас есть что-нибудь горячее?

Пальцы снова начинают дрожать, но уже от облегчения. Это всего лишь гость. Просто парень, который промок под дождём и хочет согреться. И ничего плохого он мне не сделает.

Дорогие, продолжаем знакомить вас с историями, которые выходят в рамках [серии о молодых непростых героях "Хэштегнутые"](#). И сегодня зовем вас в книгу Юлии Герман " [Трэшмейкер #НаучуПлохому](#) ".

ЮЛИЯ GERMAN

ТРЕШМЕЙКЕР *#Наму — плохому*

ТАКИЕ, КАК ОН, – РЕД ФЛАГ. “ДЕРЖИСЬ ОТ НЕГО ПОДАЛЬШЕ”, – ГОВОРИЛИ МНЕ.

“РЯДОМ С НИМ ОПАСНО”, – ПРЕДУПРЕЖДАЛИ. НО СТОИЛО ЛИШЬ РАЗ ПОПАСТЬ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ГЛАВНОГО ТРЕШМЕЙКЕРА НАШЕГО УНИВЕРА, КАК Я СТАЛА ЕГО ГЛАВНЫМ ПРОЕКТОМ И ЕДИНСТВЕННОЙ БОЛЕЗНЬЮ. ОН ПООБЕЩАЛ НАУЧИТЬ МЕНЯ ПЛОХОМУ, НЕ ЗНАЯ, ЧТО ЭТО РАБОТАЕТ В ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ.

#ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ #ПЛОХОЙ ПАРЕНЬ #ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 3. Клим

Выйдя из салона, иду к машине. Нильс, стоящий у капота, отрывается от телефона и расплывается в усмешке.

— Ой, бля, красавчик. Все девки твои... Кроме Тюльпанчика, — добавляет строго.

Закатив глаза, падаю на водительское. Посмотрев в зеркало заднего вида, ладонью провожу по подстриженному затылку. Вот теперь я похож на себя прежнего, а не на долбанного зэка.

— Девочек новых много, — трещит Нильс. — Но Тюльпан, как управляющей стала, не поощряет секс с гостями. И старается набирать таких, которые только танцуют. Так что ты на первую попавшуюся не набрасывайся. Я тебя зазнакомлю с теми, кто будет не против устроить приват с продолжением.

— Я тебе чё, пёс в течке, чтоб на первую встречную бросаться?

— А типа нет? — ржёт Нильс. — Слушай, может, у тебя за полтора года вообще всё отсохло за ненадобностью?

— Блять, ты допиздишься, — роняю я, но беззлобно.

У Нильса язык без костей, за что он с незавидной регулярностью и без меня выхватывает люлей.

Минут через двадцать паркуюсь у клуба. Вечер пятницы только начинается, а к нему уже тянется небольшая очередь. Вывеска переливается розовым неоном, у входа торчит знакомый шкафоподобный Ронни. Ну хоть что-то не меняется.

Заметив меня, снисходительно произносит:

— Айсберг.

— Ронни, — отвечаю с той же интонацией. — Пропустишь по старой дружбе?

— Что за вопросы? — вклинивается Нильс.

Бесцеремонно снимает металлическую цепочку и проходит вперёд. Шагаю за ним, но Ронни придерживает за локоть.

— С возвращением, Айсберг. Но давай без проблем, о'кей?

— Я само спокойствие, — отвечаю с ухмылкой, вскинув руки в примиряющем жесте.

Зайдя внутрь, сначала направляемся к бару. Народа уже прилично, но идти можно, не проталкиваясь сквозь тела. Музыка пока звучит приглушённо, сцена с шестами пуста. Но уже скоро это место превратится в эпицентр порока.

Нильс, махнув рукой бармену, с которым я не знаком, заходит за стойку и достаёт из-под неё початую бутылку виски. Цепанув два стакана, тянет меня в сторону випки.

— Нильс! — доносится из-за спины голос той, кого я буду рад видеть.

Но не уверен, что радость окажется взаимной.

Мы оборачиваемся одновременно.

— Тюльпанчик, любовь моя, смотри, кого я привёл!

Нильс не просто улыбается — кажется, ещё немного и завилает перед ней невидимым хвостом.

Тюльпан подходит к нам почти вплотную. Сложив руки под внушительной грудью, упакованной в золотистый корсет, меряет меня не особо дружелюбным взглядом.

— Клим, поздравляю с возвращением на свободу, — тепла в её голосе чуть больше, чем я ожидал.

— Привет, Рита, — улыбаюсь ей вполне искренне. — Скучала?

— Честно ответить? — усмехается она. — Рада, что ты больше не за решёткой. Но я теперь здесь главная, и если вы с Нильсом начнёте создавать проблемы, я вас обоих выкину отсюда, не раздумывая!

— Э-э-э, а меня-то за что?! — возмущается он. — Когда я тебе проблемы создавал?

В ответ мы с Ритой синхронно хмыкаем. Какой бы стервой она ни была, взяла Нильса под опеку, когда я отъехал в камеру.

— Девочкам, с которыми будете развлекаться, чтоб повышенные чаевые отстегнули. Иначе...

— Ты выкинешь нас из клуба, — заканчиваю за неё.

— Именно.

Помявшись секунду, Рита быстро меня обнимает.

— А меня? — тут же пытается влезть между нами Нильс.

— Валите уже, — фыркает она.

Развернувшись, идёт в сторону бара. Провожая её взглядом, залипнув на упругой заднице, обтянутой микроскопическими шортиками, и длинных ногах. В паху становится горя-

чье. Но я не хочу Риту — она для меня кто-то вроде старшей бесячей сестры. И реакция на неё — чистая физиология от долгого воздержания.

— Танюха работает? — спрашиваю у Нильса, который тоже смотрит на Риту.

Вот только его взгляд наполнен совсем иными чувствами — и похоть там далеко не на первом месте.

— Танюха это у нас кто? Лютик?

Раздражает дебильная традиция называть местных танцовщиц как цветы. Нильс же наоборот плохо запоминает их по именам.

— Да.

— О, она сегодня здесь, — оживляется он. — Лютик от радости кончит быстрее, чем ты до неё дотронешься. Только сначала выпьем.

— Я, кстати, пить не буду. Так что ты сам.

— Чего вдруг?

— У меня ещё дела на сегодня есть, — отвечаю уклончиво. — Хочу кое-кого навестить.

— Не понял! У тебя есть кто-то дороже друга, с которым ты не бухал полтора года?

— Побухаем ещё, — обещаю, не собираясь вдаваться в подробности.

Моё намерение навестить Котёнка он точно не оценит. А у меня нет настроения выслушивать нотации.

— Айсберг!!!

Я вздрагиваю от неожиданности, а в следующее мгновение на меня запрыгивает Таня. Рефлекторно подхватываю её под ягодицы, а она вцепляется в мои плечи.

— Ты вернулся! — визжит в ухо. — Я так скучала!

Тянется к губам, но я отворачиваюсь. Ещё я таких, как она, не целовал.

— По мне? — усмехаюсь. — Или по тому, сколько бабла я на тебя сливал?

— Всё такой же засранец, — смеётся она. — Я правда скучала, — дуёт накачанные губы, жирно намазанные блеском. — Мы же почти встречались.

«Трахались», — поправляю мысленно.

Чаще, чем следовало, раз у неё появились такие мысли. Но никак не комментирую её слова, не желая ненароком обломать секс, на который рассчитываю.

— Как докажешь?

— М-м-м, — кокетливо тянет Таня, накручивая на палец светлую прядь. — Есть у меня варианты.

Опустив её на пол, перехватываю за руку, и по памяти веду в ближайший приват.

— Хочешь я для тебя станцую?

Выгибается кошечкой, когда я устраиваюсь на красном кожаном диванчике.

— Нет.

Тяну её на себя.

— Какой нетерпеливый, — шепчет, губами касаясь шеи. — И уже готов. — Промежностью трётся о колом стоящий член, пока скрытый за тканью джинсов и белья.

Губами соскальзывает с шеи к ключице. Медленно расстёгивает рубашку, ладонями ведя к прессу. Дыхание сбивается. Много мне сейчас не надо, как и долгой прелюдии. Сам расстёгиваю джинсы:

— Давай, малышка, поработай ротиком.

Таня опускается на колени, устраиваясь между моих бедёр. С протяжным стоном откидываю голову на спинку дивана, когда губами она обхватывает головку.

Вот по чему я скучал не меньше, чем по своей тачке и ощущению скорости и свободы. Прикрыв глаза, по-настоящему расслабляюсь впервые с момента ареста.

С Таней мы развлекаемся пару часов. Ухожу от нее с пустыми яйцами, оставив на «чай» приличную сумму.

Атмосфера в клубе успела измениться: на сцене крутятся танцовщицы, все столики заняты, а на танцполе не протолкнуться. Мелькает мысль отыскать Нильса, однако время поджимает.

В одном из постов Котёнок недавно проговорила, что устроилась в кондитерскую. И написала название. Она быстро его стёрла, видимо, поняв, что не стоит так сильно светить личную информацию, но я запомнил. Заранее пробил адрес и график работы. Конечно, сегодня может быть не её смена, но что-то внутри подсказывает, что мне повезёт.

Выхожу из клуба, попадая под начавшийся дождь. Кивнув Ронни на прощание, бегу на парковку. Машин на улицах почти нет, как и людей, попрятавшихся по своим норам. До кондитерской добираюсь минут за пятнадцать.

Останавливаюсь на противоположной стороне улицы. Панорамные окна светятся тёплым жёлтым светом — единственное живое пятно посреди вымершего пространства.

Я сразу замечаю Котёнка и с жадностью заядлого сталкера наблюдаю за ней через стёкла, по которым бегут капли дождя. В какой-то момент она вплотную подходит к окну. Высматривает что-то на улице, а я физически ощущаю её взгляд, хотя уверен, что в темноте и пелене дождя меня не видно.

До закрытия остаётся около получаса. Котёнок в кондитерской похож одна. И вряд ли что-то изменится. Мало кто в такую погоду захочет сладкого.

Довольно ухмыльнувшись, вылезаю из машины. Перебежав дорогу, толкаю дверь. Колокольчики над головой тихо, почти жалобно звенят, будто о чём-то предупреждая Котёнка.

Шагаю вперёд — дверь позади меня закрывается. Девчонка, стоящая за стойкой, вскидывает голову и впивается в меня испуганным взглядом. Смотрим друг на друга: я с плохо скрываемым любопытством, она с явной настороженностью. Даже мелькает мысль, что она знает, кто я. Хотя мы раньше не встречались. Может, брат обо мне рассказывал?

Но в её глазах нет узнавания.

Понимая, что атмосфера накаляется, отмираю первым.

— Добрый вечер, — произношу как можно спокойнее. — У вас есть что-нибудь горячее?

Девчонка, не сразу, но кивает.

Игра началась.

Дорогие, продолжаем знакомить вас с историями, которые выходят в рамках [серии о молодых непростых героях "Хэштегнутые"](#). И сегодня зовем вас в книгу Майи Рид "

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.